"Новости"

Антуан Белло

SHOUT
SHARE
IT

- Антуан Белло
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Антуан Белло
“Новости”

1

Тридцатого сентября 1991 года в зале Берлиоза столичного Гранд-отеля состоялась пресс-конференция с участием журналистов всех французских СМИ. Инициатор конференции Шарль де Вирмон объявил собравшимся, что на следующий день выйдет в свет первый новой ежедневной газеты “Новости”.

“Все отличие моей газеты от прочих, — пояснил он, — заключается в одной небольшой особенности: содержащаяся в ней информация будет на один процент ложной. То есть некоторые статьи будут абсолютно правдивыми, от первой до последней строчки. В других появятся неточные даты и цифры. А в-третьих — несуществующие события и лица. Никаких формальных указаний, по которым читатель, принимаясь за статью, мог бы определить, к какому разряду она относится, не предусмотрено. Мы не станем помещать ни списка опечаток, ни перечня ложных сведений в конце номера симпатическими чернилами”.

Придя в себя от изумления, коллеги засыпали де Вирмона вопросами. Чего ради он все это затеял? Может быть, он располагает данными о том, что наметился рост читательского интереса к подобной подаче информации? Кто стоит за этой авантюрой? Какие политические силы ее поддерживают? Де Вирмон на все отвечал спокойно и сдержанно. Признавал, что не имеет никакого опыта в газетном деле. Полагал, что его биография не представляет интереса для будущих читателей “Новостей”. Да, у проекта есть заказчик, крупная международная рекламная ассоциация, название которой он не хотел бы обнародовать. Нет, он старался не привлекать внимания политиков к своему проекту; напротив, все приготовления держались в строгой тайне; насколько ему известно — а если он ошибается, пусть коллеги его поправят, — никто, кроме пяти с половиной десятков квалифицированных журналистов да двух-трех человек из управления столичной службы распространения печати, не знал о появлении новой газеты общенационального уровня.

Может ли де Вирмон привести пример ложной информации, которую будет давать его газета? Разумеется, но он предпочел бы дать публичные разъяснения всем читателям на другой день после выпуска первого номера. Таким образом, каждый сможет составить свое мнение о “Новостях” и получить удовольствие, отыскивая не соответствующие действительности сообщения. Дав этот ответ и словно бы не замечая леса тянущихся рук, де Вирмон объявил пресс-конференцию закрытой.

Начало, вне всякого сомнения, было эффектным. Появление “Новостей” стало гвоздем вечерних информационных программ. Ведущие разных телеканалов не успели собрать синклит и выработать общую тактику, что в тот момент еще могло бы зарубить проект на корню. Канал RTL сообщил о “необычном предприятии, достойном пристального внимания”. Анри Троэн на “Франс-интер” приветствовал рождение новой газеты, но не преминул напомнить, что дезинформация уже не раз становилась причиной падения демократических режимов. А TF1, сопоставив выход “Новостей” с недавним исчезновением желтой газетенки “Новости мира”, привел образцы “эксклюзивных материалов” из приказавшего долго жить листка: “Прыгун с трамплина со всего размаху врезался в летящий вертолет”; “Самая старая женщина на свете рассказывает: меня изнасиловали во время битвы при Мариньяно” — или еще рассказ бедняги, которого на три недели заперли в общественном туалете двенадцатого округа.

В первый день было распродано 280 000 экземпляров новой газеты — столь внушительная цифра ошеломила всех обозревателей. Как и следовало ожидать, они бросились на поиски ложных фактов. Долго искать не пришлось: прямо на первой полосе было переврано имя министра финансов и смещена на неделю вперед дата предстоящего европейского саммита. Не считая этих мелочей, первая страница “Новостей” была такой же, как у конкурирующих изданий. Тот же подбор событий, тот же объективный тон и даже макет почти такой же. И никакого предупреждения, никакого указания на что-то необычное, так что те продавцы, кто пропустил поднявшуюся накануне шумиху, торговали новой газетой, не подозревая о подвохе.

В девятнадцать часов того же дня де Вирмон выступил с сообщением, мгновенно растиражированным по всей стране. Начиналось оно так:

“Как было объявлено вчера, каждый номер “Новостей” будет содержать около одного процента ложной информации. В помещенном ниже списке перечислены сто из ста восьмидесяти семи неточностей, вкрапленных в сегодняшний номер:

Страница 1:

Имя министра финансов написано с ошибкой.

Дата предстоящего европейского саммита смещена на неделю вперед.

Страница 2:

Сводная таблица баланса французской внешней торговли с 1988 года неверна. В ней поменяли местами колонки Германии и Италии.

Перси Дж. Уокер не принимал участия в коммерческих переговорах между Соединенными Штатами и Японией. Перси Дж. Уокер — лицо вымышленное.

Жак Валле — депутат от департамента Крез, а не от Кот д'Ор. Ему сорок четыре года, а не пятьдесят восемь. Он социалист, а не коммунист.

(…)

Страница 17:

Итальянский спринтер Торинелли одержал победу в беге на сто метров на чемпионате мира с результатом не 10,02, а 9,96 секунды.

Соревнования по метанию молота среди женщин не проводятся. Чешская спортсменка Билисова занимается метанием диска.

(…)

Страница 20:

Музей народных искусств и традиций по будням работает до девятнадцати часов. В воскресенье он закрыт. Выставки, посвященной культуре племени бантамоле, в сезоне 1991–1992 г. не предвидится.

В кинотеатре "Галанд" идет фильм "Барри Линдон". Фильм Куросавы "Ран" отменен две недели тому назад.

Статья "Хайде, друг Шиле и Кокошки" — выдумка от начала до конца. Никакого Хайде никогда не было. Помещенная в качестве иллюстрации картина ("Schmerz im Himmel") — произведение одного из наших сотрудников.

Страница 21:

В рубрике "Погода" для всех городов Франции указана температура за прошлый год.

Снега в Тунисе не ожидается".

Это сообщение — первое и последнее, которое вышло из-под пера де Вирмона, — вызвало многочисленные комментарии. По всей вероятности, он желал дать представление о масштабах своей мистификации. А кроме того, раскрывая только половину обманных трюков, надеялся подхлестнуть любопытство читателей и заставить их выуживать остальные подделки самостоятельно.

И снова его расчет блестяще оправдался. На следующий день газета "Фигаро" опубликовала полный список ста восьмидесяти семи ошибок — для этого пришлось мобилизовать весь штат редакции. Появившаяся несколькими часами позже "Монд" высмеяла усилия собратьев по перу и высказала предположение, что скоро "Фигаро-магазин" начнет помещать задачки "Найди семь отличий". Однако автор статьи не удержался от соблазна ехидно отметить "лже-ложь", затесавшуюся в список "Фигаро".

Хроникер Жан Ламардьер — не вымышленная фигура, он жил на самом деле, был близким приятелем Мэна Рея и Сандрара, и ему принадлежат едва ли не лучшие из когда-либо написанных о Монпарнасе страниц. Сделав эту поправку, “Монд”, однако, не пополнила список, так что и по сей день, спустя семь лет, тайна недостающей ошибки осталась неразгаданной (общее мнение таково, что верный себе де Вирмон ввернул неточность даже в текст сообщения).

Отношение многих газет, поначалу видевших в этой истории лишь пустяковую шутку, перешло в бурное возмущение, как только стали известны данные о тираже “Новостей”. Когда прошел пик интереса, сопровождающего любое новое издание, ежедневная продажа стабилизировалась на уровне 150 000 экземпляров. Откуда взялись эти читатели? Успех “Новостей” складывался за счет других газет и журналов. Изучение аудитории показало, что значительную ее часть (около 25 000) составили те, кто обычно покупал “Паризьен”, 13 000 читателей переметнулись от “Франс-суар”, 11 000 — от “Либерасьон”, по 10 000 — от “Монд” и “Фигаро”, 8 000 — от “Уэст-Франс”, 5 000 — от “Юманите” и почти 3 500 — от “Экип”.

Как только были опубликованы эти цифры, “Монд” объявила сопернику настоящую войну. Не проходило дня, чтобы на ее страницах не появлялось статьи, заметки, реплики по поводу того, сколь опасна для общества деятельность редакции “Новостей”. Авторы не скупились на громкие слова: “дезинформация масс”, “извращение действительности”, “оболванивание публики”, “беззастенчивая ложь” и т. д. В один голос клеймили “гнусные происки” де Вирмона деятели культуры, историки, психологи в разделе “Дебаты” (название в данном случае не соответствовало содержанию!).

Ален Фаго напомнил, как зыбка граница вымысла и реальности. “Их разделяет тонкая перегородка, и подчас помехи иллюзий заглушают шепот истины. Необходима звукоизоляция”. В свою очередь, Арман Сент-Олив сравнил де Вирмона с Герингом. “Через год, — писал он, — начнется избирательная кампания. Где гарантия, что “Новости” не куплены одной из партий и не будут использованы для манипулирования общественным мнением?”

Ответом “Новостей” на все эти злобные нападки было полное молчание. “Собака лает — караван идет, — с усмешкой сказал как-то раз на приеме Шарль де Вирмон и прибавил, как бритвой полоснул: — В этом деле каждый работает исходя из своих принципов”.

На другой день “Монд” подала на “Новости” в суд. В жалобе

фигурировало не меньше двух десятков обвинений, в том числе использование недозволенных методов конкурентной борьбы, нарушение профессиональной этики и даже распространение информации, способствующей разжиганию расовой ненависти. Процесс завершился быстро, адвокат ответчика, не пускаясь в объяснения, представил суду тридцать пять вышедших к тому времени номеров газеты. Девятнадцатого ноября “Монд” было отказано в иске по всем пунктам. Несколько озадаченный судья объявил, что ни одна статья закона не запрещает такое смешение жанров. Сам он, как можно было судить по тону, относился к нему вполне благосклонно.

Не сумели очернить издание — переключились на личность издателя. О де Вирмоне никто ничего не знал, поэтому можно было безнаказанно писать что угодно: что он советский агент, что нанявшая его ассоциация придерживается экстремистских взглядов, что он был личным советником Пол Пота с 1973 по 1975 год и имеет десяток разбросанных по всему свету внебрачных детей. Де Вирмон не снизошел до опровержений.

Не добившись никакой реакции, команда “Монд” мало-помалу забросила истощившуюся жилу. Ну а “Новости” неустанно разрабатывали свою и добывали что ни день все больше золота.

Очень скоро погоня за ложной информацией превратилась чуть ли не в национальный спорт, в элитарных кругах стало престижно читать “Новости”. Считалось особым шиком прогуливаться по Тюильрийскому парку со свежим номером под мышкой; небрежно, но заметно для окружающих листать его, сидя на террасе кафе “Флор” или “Дё Маго”. Читать следовало с проницательным видом и время от времени многозначительно улыбаться: ага, вот мы опять засекли де Вирмона на вранье! Дескать, со мной этот фокус не пройдет. Для нового бзика находили красивые оправдания. “Это стимулирует критическое мышление”, — солидно говорили мужчины. “Это так пикантно!” — щебетали дамы.

С октября 1991 до июня 1992 ни один званый ужин не обходился без модного ритуала — время его наступало обыкновенно, когда подавали кофе, — гостям полагалось назвать неточности, которые они заметили в очередном номере газеты. Для хозяйки дома, с ужасом думавшей, как бы не пришлось по пути из столовой в гостиную излагать свое мнение о последней выставке икебаны, “Новости” были безотказным средством поддерживать общую беседу. Каждый был уверен, что выловил деталь, ускользнувшую от остальных. Некоторые старательно штудировали спортивные хроники, отслеживая малейшие

неточности в имени игрока, забившего гол, или в счете матча — победа вместо ничьей! Другие поручали секретарям проверять данные экономической статистики, рассеянные по разным статьям. Причем интереснее было не просто заметить ошибку, но и разгадать ее механизм. Увидеть несуразность показателя валового национального продукта Бенина мог кто угодно, такая малость не слишком ценилась. Другое дело докопаться, что указанная цифра соответствует показателю Шри-Ланки, — вот тут уже есть чем гордиться. А какой кайф, когда можешь поправить соседа: “Нет-нет, уверяю вас, Клара Флорини — реально существующая певица. Ее репертуар несколько ограничен вокальным диапазоном, но в “Аиде”, например, она бесподобна!”

Однако и при таком всеобщем ажиотаже удавалось отыскать не более чем одну десятую часть запрятанных в номере неверных сведений. Даже если среди читателей нечаянно попадался разносторонний эрудит, он распознавал два, от силы три десятка ошибок, что весьма далеко от обещанных в историческом заявлении де Вирмона двух сотен. Группа фанатов открыла сервер в минителе (3615 правда-ложь), где регистрировалась вся ложная информация из “Новостей”. Ежедневно уже к одиннадцати утра они вывешивали перечень, содержащий около сотни ошибок, который затем пополнялся усилиями посетителей. Каждое новое сообщение тщательно проверялось и заносилось на сервер с указанием имени “открывателя”. Отлаженный учет выявлял наиболее активных участников.

2

“Новости” вышли в свет 180 раз. Итого искаженных и вымышленных фактов, считая по двести на номер, набралось около 36 000. Не могли же они все совсем не соответствовать действительности!

У меня перед глазами распечатка полного списка замеченных ошибок с сервера “3615 правда-ложь”. Это кипа страниц в восемьсот. Я прочитал их все и могу утверждать, что 36 000 ошибок не взяты с потолка, в этом хаосе наблюдается система. Из их сопоставления рождается картина некого виртуального мира — мира оживших вероятностей. Что в нем бросается в глаза и чем он отличается от того, который описывают все прочие газеты?

Начнем с вещей забавных: во-первых, в этом мире теплее, чем в обычном. Средняя температура по стране, указанная в “Новостях”, всегда градуса на два выше, чем в сводках метеослужбы. А в некоторых департаментах (Финистер, Эн, Майенн) климат особенно благодатный: дождя почти не бывает и круглый год субтропики.

Дальнейший анализ “Новостей” с географической точки зрения открывает ряд других сюрпризов. Так, территория Франции сократилась до 544 000 квадратных километров, а куда девалась недостающая земля, неизвестно. Очертания границ, видимо, тоже претерпели изменения: как явствует из статьи, посвященной строительству восточной сверхскоростной железной дороги, между Страсбургом и Парижем наросло двадцать лишних километров, в то время как расстояния Страсбург — Мюлуз или Страсбург — Кольмар остались прежними. Есть и гидрологические неожиданности. Четвертой по протяженности водной артерией Франции оказался Силюр. Ознакомившись с различными материалами по этому вопросу, я склонен думать, что к Силюру просто присоединилось несколько рек (Иль, Овзер, Дилан, Вьен и другие), продленных на карте карандашом через самые безводные области.

Все эти географические модификации не стоили бы упоминания, если бы подчас они не приводили к острейшим этническим конфликтам. С 1991 года между Венгрией и Словакией идет настоящая, хоть и необъявленная война за клочок земли в излучине Дуная. Второго февраля 1992 года словацкая милиция (а по существу, орава разгоряченных самогоном крестьян), уложив несколько сот человек, захватила городок Эстергом. Ни официальные ноты венгерского правительства, ни директивы ООН не образумили диктатора Стивиню (который — я

забыл сказать! — захватил власть в ночь под Рождество 1991 года). И только когда в начале марта сопредельная Чехия (по версии “Новостей”, разделение Чехии и Словакии произошло в 1990 году, то есть за несколько лет до того, как весть об этом событии дошла до читателей традиционной прессы) пригрозила, что введет свои войска, Стивиня дал приказ оставить Эстергом.

Вообще геополитикой журналисты “Новостей”, по-видимому, занимались с особым удовольствием. Среди наиболее удачных их изобретений — движение АОНМ (Африканские объединенные нации за мир) и проникновенная речь, которую произнес на его первом пленарном заседании Хавьер Перес де Куэльяр; фиктивный кандидат от демократов, победивший Клинтона на первичных выборах в трех штатах (Нью-Гэмпшир, Мэн и Мэриленд); подавление крестьянского бунта на Молуккских островах в Индонезии (10 000 жертв); реальная перспектива вступления Турции в Евросоюз и т. д. Помимо этой домашней кухни, в поле зрения “Новостей” входили глобальные проблемы, причем в статьях многих обозревателей и особенно в передовицах де Вирмона имел место некоторый перекос в соотношении сил между Северным и Южным полушариями. Выходило, что Африка шагнула вперед гораздо дальше, чем позволяли предположить сведения, почерпнутые из других газет; африканские государства ввели у себя новые технологии выращивания маниоки и добились от США снятия таможенной пошлины на некоторые категории полуфабрикатов. Европа же представала изолированной от остального мира, неспособной перенять заокеанские прогрессивные технологии и удрученно наблюдающей за стремительными успехами стран Азии. Почему-то авторы “Новостей” крайне редко упоминали Индию, а о сепаратистском движении сикхов отзывались с непонятной снисходительностью.

Хватало выдумок и в разделе искусства. Одна из них — художник Хайде, друг Шиле и Кокошки, удостоившийся нескольких ретроспективных выставок, в том числе выставки в галерее Ван Рейса в Утрехте. Недавно его имя повстречалось мне среди многих других в монографии, посвященной немецкому экспрессионизму (“Черно-белый человек”, издательство “Якобы”). В ноябре 1991 года “Новости” активно поддержали выдвинутый на Гонкуровскую премию роман “Америка глазами простака”. Тысячи читателей спрашивали в магазинах эту несуществующую книгу. Наконец, в нескольких номерах, с 17 по 23 ноября, публиковался большой материал об уличном искусстве. Не берусь утверждать наверняка, но, судя по всему, никто из репортеров “Новостей” лично на месте событий не был. Поэтому можно только гадать, насколько достоверен рассказ создателя ледяных

скульптур Мусы, негодующего из-за того, что он не получает надбавку за работу в неблагоприятных погодных условиях. И действительно ли перуанскому барабанщику Рамону привалила удача — по его словам, благодаря ремонтным работам на станции метро Сен-Мишель ежедневная выручка ансамбля “Мачу-Пикчу — музыка Анд” выросла вдвое.

Если же выбирать лучшую из всех мистификаций “Новостей”, я не колеблясь назвал бы то, как газета освещала зарождение и развитие в Соединенных Штатах профессиональной лиги игроков в пазл.

Читатели, вероятно, помнят, что она была основана в начале 90-х миллиардером Чарльзом Уоллерстейном и объединила лучших мастеров планеты, которые соревновались перед телекамерами в сборке головоломок американского образца. Новый вид спорта, названный пазл-кросс, быстро получил распространение, славе его способствовали таинственное исчезновение в 1995 году чемпиона — юного американца Николаса Спилсбери — и волна жестоких убийств, не раскрытых по сей день.

Хотя все чемпионаты происходили за океаном, европейская и, в частности, французская пресса много и подробно писала об этом новом развлечении. На то были свои причины. Пазл-кросс стал довольно популярным в скандинавских странах (больше всего в Дании, Швеции и Норвегии, несколько меньше в Финляндии, до Исландии же увлечение не дошло) и в Бенилюксе (Бельгии, Нидерландах и Люксембурге), где каждый уик-энд проходят состязания, на которые съезжаются десятки тысяч игроков-любителей. В первые два сезона немногочисленные выходцы из Европы легко брали верх над менее терпеливыми африканскими и американскими игроками.

Помимо законного желания поведать об успехах земляков, европейскими СМИ двигало любопытство — ведь новый вид спорта рождался ex nihilo прямо на глазах. Уже не один десяток лет ритм жизни Соединенных Штатов определяется трансляциями бейсбольных, футбольных и баскетбольных матчей. Время от времени малые игры, такие, как боулинг, пляжный волейбол, бильярд, безуспешно пытаются соперничать с этими столпами american way of live — американского образа жизни. Ошеломляющий успех, которого пазл-кросс достиг всего за три сезона, говорил о смелости и точном расчете, это отметили и европейские обозреватели, обычно склонные охаивать все, исходящее из Нового Света.

Крупнейшие французские газеты достаточно подробно комментировали соревнования. “Либерасьон” посвятила этой

теме целую полосу, состоящую из двух статей: о победителях первого чемпионата (“Виртуозы на подбор”) и о колоритной фигуре основателя (“Новый конек гражданина Уоллерстейна”). “Франс-суар” поместила фоторепортаж о финале турнира в Шарлотте, озаглавленный “Они обгоняют хронометр”. Свой кирпичик в общее здание положила и “Монд”: в одной из статей рубрики “Книги” проводилась аналогия между возникновением пазл-кросса и переизданием культовой книги Невилла Баттерсона “Хвала недостающему звену”.

Однако наиболее полное представление об охватившей Америку пазломании давали “Новости”. За неполных восемь месяцев здесь было пятьдесят три публикации о новой игре, от лаконичного сообщения о том, что представитель Франции вылетел в одной восьмой финала, до шестистраничного досье в номере от 7 января 1992 года, где оценивались шансы всех участников накануне второго сезона. В промежутке же были затронуты самые разные аспекты ПК: описание правил (25.12.1991), сравнительный анализ разных методов сборки (20.11.1992), портрет Олафа Нильса (14.12.1991) и т. д.

А теперь перехожу к главному — к несоответствиям между материалами корреспондента “Новостей” в США Фризон-Роша и реальностью. Эти несоответствия, или отклонения, делятся на две категории.

К первой относятся бесконечные искажения, которые легко принять за обыкновенные опечатки. Например, норвежский игрок по фамилии Тромбдю обречен именоваться на страницах “Новостей” Трюмбдо; спортивный комплекс при отеле “Мираж” становится игорным комплексом; Олафу Нильсу пожалованы три победы в открытом турнире ПК вместо одержанных им двух. Мелочи, скажете вы, и правильно, я и сам не придавал бы им особого значения, если бы Фризон-Рош не ошибался с удивительным постоянством. Часто он неверно указывал продолжительность партий: вместо 21 мин 34 с, 22 мин 34 с; 20 мин 16 с округлены до 20 мин, и т. д. Проанализировав эти “ошибки”, я заметил, что все они имеют общую направленность. Так, результаты нидерландца Крэка регулярно занижены на десяток секунд, а колумбиец Нето чаще, чем на самом деле, укладывался в двадцать минут.

Куда более интересны, хотя и не столь многочисленны, чистой воды выдумки, которыми потчевал читателей Фризон-Рош. Так, в номере от 5 ноября 1991 года опубликованы результаты турнира, которого в действительности не было. На этих будто бы проходивших с 28 октября по 3 ноября в Боулдере (небольшой городок в Колорадо) соревнованиях Олаф Нильс

обыграл немца Такля. Проверка этой информации (могу предъявить всем желающим справку, написанную рукой президента Федерации ПК Дианы Добс) показывает, во-первых, что Боулдер никогда не был местом проведения ПК-турниров, а во-вторых, что в указанный промежуток времени соревнования по этому виду спорта не имели места ни в одной точке мира.

Особенно ярко талант Фризон-Роша проявлялся в том, как искусно он приукрашивал (а то и придумывал целиком и полностью) биографии спортсменов. Кто не знает датчанина Олафа Нильса, верзилу и обжору, уничтожающего горы мяса, который выиграл два первых чемпионата по ПК и пал от руки убийцы с поляроидом! Похоже, что необыкновенные качества Нильса (его прожорливость, чудовищное либидо, потрясающая физическая сила) вдохновили Фризон-Роша на сочинение нескольких впечатляющих эпизодов из жизни этого великана. Тщательное сличение десятков свидетельств позволяет мне утверждать, что события легендарной ночи в марте 1987 года, когда автобус, в котором находился Нильс, застрял из-за разлива горных рек и чемпион удовлетворил четырнадцать баскетболисток из сборной Копенгагена, — не что иное, как плод воображения корреспондента “Новостей”. Не более достоверна история о том, как Нильс, не прошедший во второй тур состязаний в Роли (США), с досады проглотил все содержимое мини-бара в своем гостиничном номере, включая бутылки и открывалки.

И все же лучшее создание Фризон-Роша — это, бесспорно, личность Гаэтана Урукуе. Двадцатитрехлетний колумбиец блистательно дебютировал на боулдерском турнире, завоевав почетное четвертое место (мне, право, сдается, что этот турнир лишь затем и понадобился Фризон-Рошу, чтобы запустить на орбиту своего протеже). Очень скоро Урукуе становится одним из самых серьезных соперников Нильса. Его колористический стиль, далекий от европейского академизма и полный естественной свежести, ставит в тупик противников. Судя по фотографиям из “Новостей”, Урукуе весьма хорош собой, поэтому никого не удивила его помолвка (в январе 1992 года) с Лорейн Кастальдо, дочерью сенатора-республиканца, известного своей непримиримой борьбой с наркомафией. Увы! 2 марта того же года “Новости” опубликовали выдержки из ответа ФБР на запрос сенатора Кастальдо. Неопровержимые данные гласили: Гаэтан принадлежит по материнской линии к клану Паренке, одному из пяти крупнейших семейств, входящих в Медельинский картель. А значит, преступник Луис Паренке, экстрадиции которого добивался Кастальдо, доводится Гаэтану свойственником. Такого

брака сенатор допустить не мог, и, хотя Урукуе с пеной у рта все это отрицал, помолвка была разорвана.

3

В апреле 1992 года Шарль де Вирмон предпринял с помощью независимого социологического центра статистическое исследование читательского мнения. И, вероятно, результаты этого опроса сыграли немалую роль в том, что несколько дней спустя он решил прекратить выпуск газеты.

Статистика показала, что 59 % из 135 000 читателей “Новостей” не знают, чем их любимая газета отличается от других ежедневных изданий. Что касается остальных, то 2 % из них полагают, что “в этой газете все неправда”, 1 % — что “это сатирическая газета”, а 3 % — что “вначале она давала ложную информацию”. Респондентам напоминали о заявлении, которое сделал основатель и главный редактор “Новостей” несколько месяцев тому назад, и спрашивали, “что они думают о газете, в которой содержится один процент ложной информации.” Ответы были разные, но все в равной мере неожиданные. “По-моему, в этой газете не больше вранья, чем в любой другой”, — таково оказалось самое распространенное мнение (36 %). На втором месте ответ: “Это придает хронике остроту” (19 %). Нередко и такое суждение: “Все равно никак не отличишь истинную информацию от ложной” (15 %).

И наконец, как выяснилось — к этому выводу одинаково охотно апеллировали и сторонники, и противники “Новостей”, — 65 % читателей считали, что “эта газета информирует их лучше, чем другие”. Когда одного из ответивших таким образом, активного потребителя информации всех видов, спросили, на чем основывается его уверенность, он сказал, что статьи “Новостей” не всегда правдивы, зато логичны и правдоподобны. Из них можно узнать не то, что было, но что могло бы быть. На его взгляд, это не менее интересно.

4

Тридцатого апреля 1992 года Шарль де Вирмон собрал новую пресс-конференцию в том же зале Берлиоза, где семь месяцев тому назад ошеломил коллег своим проектом.

“Сегодня я буду еще более краток, чем в прошлый раз, — начал он, — и даже не стану отвечать на вопросы. С согласия основного держателя акций, я решил прекратить издание “Новостей”. Полученная за семь месяцев прибыль позволит заплатить щедрое выходное пособие персоналу. Дело не в коммерческих затруднениях — читательский спрос на газету достаточно велик, тираж стабилизировался на уровне 140 000 экземпляров, что значительно превышает уровень рентабельности.

Однако этот результат, которым удовольствовались бы многие из моих собратьев, мне представляется недостаточным. Специфическая позиция, которую мы заняли, привлекла к нам симпатии определенной части общества, но оттолкнула другую, довольно значительную часть — всех тех, для кого понятие фальсификации несовместимо с самой идеей средства информации. Как бы мы теперь ни расширяли рекламную кампанию, читателей у нас не прибавится. Для этого пришлось бы заставить публику забыть нашу тактику. А этого мы не хотим.

Однако мы не покидаем поле боя. Да, “Новости” вышли сегодня в последний раз, но мы еще вернемся. Когда-нибудь, через полгода или через десять лет, мы повторим свой опыт и на этот раз наверняка одержим полную победу. Только не рассчитывайте, что мы откроем карты. Наше издание — газета, журнал или обозрение — как знать? — будет похоже на любое другое. Возможно, мы начнем с нуля и создадим новый печатный орган, а может быть, основательно перекроим какой-нибудь из старых, оставив прежнее наименование. Решать моему преемнику. Сам я, по понятным причинам, должен исчезнуть. Мое имя слишком тесно связано с начинанием, продолжать которое будет другой”.

Перевод Натальи Мавлевич